

Завершают данный фрагмент два симультанных образа: зловещий ворон из одноименной поэмы Эдгара По и вещей ворон древнерусского эпоса. Насыщенная образной риторикой статья «Западный друг» (1913), проникнутая антитевтонским пафосом, проясняет данное противопоставление. Негативно оценивая антиславянские выступления Австро-Венгрии, Хлебников обратился здесь к рефрену поэмы Э. По и ее сквозному образу: «Вокруг белолицой Славии с криком „никогда“ (...) носится ворон Австрии», — и далее делал обобщающий вывод: «Зарубежный Запад обратился в кузню, в которой лихо радочно куется меч войны» (VI-1, 70). В таком случае «ворон Калки» (не важно, что в «Повести о битве на реке Калке» нет упоминания ворона, зато «Слово о полку Игореве» изобилует орнитологической символикой) прочитывается как метасимвол всей военной истории России, с ее победами и поражениями. А знакомая «мышь на грани тома» напоминает об утопических надеждах речетворца-судьболова поймать «войну в мышеловку».

**«РОССИЯ — КУЛЬТУРНА, НО НЕ ЦИВИЛИЗОВАННА;
ГЕРМАНИЯ — ВОТ ЕЕ АНТИПОД».
ПИСЬМА Б. А. КРЖЕВСКОГО К МИГЕЛЮ ДЕ УНАМУНО
И ЭССЕ УНАМУНО
«НЕОБЫЧНЫЙ РУСОФИЛ»**

(ПУБЛИКАЦИЯ И ПЕРЕВОД © К. С. КОРКОНОСЕНКО)

В доме-музее испанского писателя и философа М. де Унамуну в Саламанке (Испания) хранятся написанные по-испански письма Б. А. Кржевского. Это два самых ранних документа русского авторства в архиве, который еще при жизни Унамуну содержался с образцовой тщательностью. Первое письмо явилось возмущенной реакцией молодого тогда Кржевского, магистранта Петербургского университета, продолжавшего свое обучение в Испании, на статью «Гордость или тщеславие?», опубликованную в буэнос-айресской газете «Нуэво мундо» 28 ноября 1914 года. В ней Унамуну, в частности, писал, что Пруссия — это вовсе не олицетворение германской нации, что пруссаки духовно ближе к славянам, чем к немцам, и далее: «Да разве не пруссак — то есть литовец, чуть ли не более близкий к русскому, чем к немцу в собственном значении этого слова, — разве не пруссак привнес в Германию частицу азиатского духа?»¹

Эти рассуждения связаны с излюбленной тогдашней мыслью Унамуну об «африканизме» испанцев и лично дона Мигеля, о принципиальной ненужности испанцам черт «цивилизованной» Европы. Примечательно, что от этой опасности варварства, африканизма, антизападничества еще в 1906 году предостерегал дон Мигеля другой молодой «западник», знаменитый впоследствии философ Хосе Ортега-и-Гассет. В своем письме к Унамуну из немецкого Марбурга он, в частности, писал: «Порой мне бывает стыдно за нашу страну. Какой позор! Целый век народ живет, будто ему дела нет до мировых проблем. Мы, дон Мигель, — африканцы, ненавидящие гуманизм и культуру, презирающие идею».² И далее: «Да послужит Вам „Исповедь”

¹ *Unamuno M. de. Obras completas / Ed. de M. García Blanco. Madrid, 1971. T. IX. P. 970.*

² *Ортега-и-Гассет Х. Письма к Мигелю де Унамуну / Пер. И. Петровского // Ортега-и-Гассет Х. Этюды об Испании. Киев, 1994. С. 180.*

Толстого предостережением: „Я искал во всех знаниях и не только не нашел...” — в этом есть что-то семитское и антиевропейское».³

Как видно из статей Унамуну времен Первой мировой войны, он и тогда был убежден, что Испании нужны африканские, а России — азиатские черты, чтобы не смешиваться с остальной Европой. Судя по первому из публикуемых писем, Кржевский был главным образом возмущен применением при характеристике России определения «варварская». В статье «Гордость или тщеславие?» этого слова нет; по-видимому, литературовед нашел его в другой статье того же времени. При этом молодой испанист совершил невольную ошибку в переводе: слова «bárbaro» и «варварский» — это так называемые «ложные друзья переводчика»; если «варварский» в первую очередь означает «жестокий, немилосердный», то «bárbaro» переводится с испанского скорее как «дикий, грубый». Смысловый сдвиг очевиден.

Из второго письма следует, что Унамуну Кржевскому ответил и что ответ адресата не удовлетворил. К сожалению, письмо испанского философа найти не удалось, смысл его можно отчасти представить лишь по второму письму Кржевского.

Оба письма были составлены после начала Первой мировой войны, и представляется важным сопоставить их еще с одним текстом Унамуну — со статьей «Необычный русофил», впервые опубликованной тоже в буэнос-айресской газете «Ла Насьон» 26 октября 1914 года. Речь в ней идет о реакции испанцев на начало войны (в которой, напомним, Испания сохраняла нейтралитет) и об их чувствах по отношению к воюющим странам: в статье перечислены Франция, Германия, Англия, Италия, Бельгия и, наконец, Россия — в сущности, все это чувства самого Унамуну. Один из участников спора о воюющих державах в некоем мадридском кафе, в высказываниях которого отчетливо проявилась позиция самого писателя, заявил, что Россию как таковую знает плохо, за изучение русского языка никогда не брался, в России никогда не бывал и с русскими знаком не был, тем не менее имеет вполне четкое представление о России, почерпнутое из произведений Гоголя, Тургенева, Толстого, Горького и в особенности Достоевского. Именно благодаря этим книгам он и стал убежденным русофилом. Далее он сообщил: «Моя Россия — это Россия Достоевского, и если реальная, настоящая Россия не такова, то все, что я собираюсь сказать, не имеет ценности в применении к реальной жизни, хотя другую ценность имеет. Я голосую за триумф философии, то есть за представление и ощущение, которые от жизни и от мира имел Достоевский».⁴

Унамуну действительно не был специалистом по русской культуре; он в совершенстве владел французским, немецким, английским, итальянским и другими европейскими языками, у него были любимые писатели — представители каждой из воюющих держав, однако в своей статье он отдал предпочтение именно России. Представляется, что при написании «Необычного русофила» доном Мигелем двигало то же стремление, по сути своей донкихотское и «достоевское», что двигало и его первым русским корреспондентом: ведь пылкий почитатель таланта Унамуну, не преследуя никакого личного интереса, спорил со своим кумиром и вступился за честь своей родины — в этом контексте уместно вспомнить статью самого Достоевского «Меттернихи и Дон-Кихоты», вошедшую в главу первую февральского выпуска «Дневника писателя» за 1877 год.⁵

³ Epistolario completo Ortega — Unamuno. Madrid, 1987. P. 60 (пер. В. Барно).

⁴ См.: *Unamuno M. de. Obras completas*. P. 1248.

⁵ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1983. Т. 25. С. 47—51.

1

28-II-15. Мадрид

ул. Вальверде, 23-1

Многоуважаемый господин Унамуну!

Судьбе было угодно, чтобы я, поклонник вашего таланта с берегов Невы, сделался ныне постоянным читателем ваших статей в «Новом мире».

Я не занимаюсь вопросами политики, я всего лишь пытаюсь следить за новостями — иначе я писал бы вам совсем в ином тоне и в иной форме. Я пишу как русский, который знает, что есть его страна.

Я был сильно поражен, увидев, что — хотя по вашим статьям заметно, что автор ничего не знает о России, — вы с необъяснимой легкостью присоединяете к названию моей страны эпитет «варварская» (см. «Н(овый) <мир>» от 28-XI-14 (варварская, азиатская, антиевропейская);¹ вашему примеру следует, в числе прочих, г-н Р. де Маэсту² в ст(атье) от 27-II-15 («Н(овый) <мир>»)).

Если бы я не знал ваших книг, не знал духа, направляющего вашу научную работу, я имел бы все основания самым нелестным образом истолковать ваши литературные приемы. Но я не могу поддаться этому нездоровому искушению: мне мешает чувство глубокого уважения, кое я к вам испытываю.

Говоря откровенно, когда я отправлялся из Петрограда в Испанию работать над диссертацией об одном драматурге Золотого века,³ я увозил с собою большую любовь и большое уважение к минувшему величию Испании — и вместе с тем немалую долю пренебрежения к Испании нынешней, что было вполне объяснимо: ведь я читал, что писали об Испании немцы.

Но теперь, прожив в Мадриде полгода, получив возможность лично пообщаться с достойными представителями вашей культуры и просвещения, я чувствую, что дух живой культуры в Испании сохранился.

Но, странная вещь! — поделюсь с вами своими последними мыслями. Я высоко оценил интеллектуальные усилия вашей страны, но тем не менее должен признаться, что в сравнении с тем, что я оставил на родине, усилия эти ни чрезмерны, ни особенны, ни поразительны. А вот и другая вещь, не менее странная — верно? Мне никогда не приходило в голову называть Испанию варварской. Однако ваши статьи убеждают меня, что такая точка зрения вовсе не обязательна.

Я не сомневаюсь в вашем ответе: Испанию никто так не назовет из-за ее славного прошлого. Однако мы ведь говорим о *современных* Испании и России, а если не так — то назовите мне хоть кого-нибудь, кто имел бы представление о сокровищах искусства (а следовательно — и о некоей культуре) *древней* Руси. Ни французы, ни немцы, ни англичане этими вопросами не занимались, а если это так — то где и каким образом мог бы узнать о нем профессор испанского университета?

В завершении этого письма хочу вам заметить, что мне не понять, как это страна, подарившая миру Толстого и Достоевского, может быть варварской, — ведь будь это так, то же самое при известных условиях могло бы произойти и со страной, подарившей миру Сервантеса.

Я полностью исполню свой долг, заверив вас, что цель моего письма — не выражение оголтелого национализма, но желание удостовериться, что вы имели основания — не подвергая риску свою совесть литератора — объявить Россию варварской страной.

Примите уверения в глубоком и искреннем почтении, остаюсь вашим покорным слугой,

Борис де Кржевский

P. S. Надеюсь, вы простите мне допущенные искажения норм испанского языка. Мне очень жаль, но я владею им не должным образом.

Б. К.

¹ Речь идет о первой публикации статьи Унамуну «Гордость или тщеславие?» («¿Orgullo o vanidad?»).

² Маэсту Рамиро де (Maetzú; 1875—1936) — испанский писатель и философ, наряду с М. де Унамуну, представитель Поколения 1898 года.

³ Имеется в виду Тирсо де Молина (наст. имя Габриэль Тельес; 1571—1648).

2

4 марта — 1915

Господину Мигелю де Унамуну.
Саламанка

Глубокоуважаемый господин Унамуну!

Простите, что отнимаю у вас время своим вторым письмом: больше я вас не побеспокою.

Вы, господин, смешиваете две вещи: термины, которые употребляете в своих книгах, и слова общего употребления.

Напрасно пытаетесь вы уравнять между собой слова «варварский» и «антиевропейский»: перечитайте свою статью от 28-XI, и вы убедитесь, что используете первое слово в том же значении,* что и гг. Р. Перес де Айяла¹ и Р. Маэсту.

А из этого следует, что у меня имелось полное *право* послать вам свое письмо и что вы уклонились от прямого ответа. Вместо него вы прочли мне лекцию о своих идеях. Может быть, это так и принято при африканизме,² однако меня это нисколько не впечатлило. Я прочел почти все ваши мысли в вашей последней книге (О трагическом чувстве жизни у людей и народов. С. 3, 50).³

Меня восхищает самоуверенность, с которой вы веселитесь. Мировой процесс кажется вам делом весьма простым. Он не сильно отличается от промышленного города: один завод производит «глубокое и болезненное христианское чувство» и консервы «вечного утешения перед жизненной мукой» (Россия);** другой — *joie de vivre*⁴ (Франция); третий — педантизм жестокости (Германия); четвертый — люциферовскую гордость и (пятый) — это Испания, когда у нее хватает сил.

Однако, как и во всех системах (я знаю, что этот термин вам не по нраву), в ваших идеях немало путаницы и педантизма. Любой народ — это организм *живой* и намного более сложный, чем вы полагаете. Ваш «любимый писатель» являлся яррым апологетом европеизма (не того европеизма, который изобрели вы); хочу вам напомнить, что сам Раскольников был (по мысли Достоевского) автором криминалистического исследования (и возможно — откуда мне знать? — какой ужас, использовал «немецкие бумажонки»), а Иван Карамазов был неизлечимым защитником европейской культуры.

Думаю, вам известны имена Менделеева, Мечникова и Веселовского, а если так, тогда не стоит раздражаться, что я сейчас провозглашаю в России эру сциентизма. Народы могут быть культурными и культивированными

(пометьте для себя, сеньор, этимологию этих слов и постарайтесь ими овладеть без того, чтобы они овладели вами). Первые заботятся о граде Божьем, вторые — о граде мирском: нечто вроде древнего противопоставления Марии и Марфы. Россия — культурна, но не цивилизована; Германия — вот ее антипод. Я не желаю писать далее, потому что вы — не из тех, что ищут, но из тех, что довольны найденным. Примите мои поздравления!

Что касается вашего желания, чтобы я сообщил на Святой Руси, что в Испании проживает африканский варварский профессор — я не могу его удовлетворить. Те русские, для которых Испания имеет какое-то значение, знают о вас достаточно, а для прочих не стоит и трудиться, ибо, возможно, они добавят вашу фамилию под номером 94 к разумнейшим германским мудрецам, каковые, как представляется, уже обессмертили свои имена.

Искренне ваш, и п<римите> у<верения> в с<овершенном> и и<скреннем> м<оим> п<очтении>),

Борис де Кржевский

* В своем письме вы признаетесь, что используете его, желая обвинить Германию (sic!).

** Могу вас заверить, что традиция Достоевского не исчезла: пример Дм. Мережковского (романиста, поэта, драматурга, критика и самобытного мыслителя).

¹ Перес де Айяла Рамон (Pérez de Ayala; 1880—1962) — испанский писатель, журналист и дипломат.

² Унамуно неоднократно писал, что Испания ближе к Африке, чем к Европе, и использовал слово «африканизм» для выражения своих культурных взглядов.

³ «О трагическом чувстве жизни у людей и народов» (1913) — один из фундаментальных философских трудов Унамуно. К 1914 году вышло только одно издание этой книги; очевидно, именно им и пользовался Кржевский: *Unamuno M. de. Del sentimiento trágico de la vida. Madrid: Renacimiento, [1913]. 320 p.*

⁴ наслаждение жизнью (фр.).

© В. Е. БАГНО

ИСПАНСКАЯ «НИША»: ДЯГИЛЕВСКИЙ БАЛЕТ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Если для возникновения положительного образа России в последние десятилетия XIX века решающее значение имел великий русский роман, произведения Толстого, Тургенева и Достоевского, то в десятилетие, предшествовавшее большевистскому перевороту, ту же роль для Запада сыграли «Русские сезоны» дягилевского балета. Россию стали воспринимать как одну из немногих современных стран мира, не только *берущую* у других народов, но и *одаривающую*, предлагающую новые духовные, идейные, эстетические ориентиры.

Мало кому из неспециалистов известно, что в период Первой мировой войны дягилевский «Русский балет» фактически обосновался на испанской земле, оказавшейся для него в высшей степени гостеприимной. С. П. Дягилев был страстным испанofileм,¹ мечтавшим о постановке балета, полностью основанного на традициях испанского народного танца. «Русские сезо-

¹ По воспоминаниям, когда Дягилев спустился в Кадисе с трапа теплохода, доставившего его группу из США в 1916 году, он припал к испанской земле.